

ВЕЛИЧАЙШИЕ РЕЧИ РУССКОЙ ИСТОРИИ

ОТ ПЕТРА ПЕРВОГО
ДО ВЛАДИМИРА ПУТИНА

Москва

издательство
РОДИНА

2022

УДК 63.3(2)

ББК 94(47)

Р 89

Р 89 Величайшие речи русской истории: от Петра Первого до Владимира Путина. – М.: Родина, 2022. – 336 с. – (Кто мы?).

ISBN 978-5-00180-547-2

В предлагаемом сборнике представлены лучшие русские политические речи XVIII-XX вв. Эти речи повлияли на политическую и культурную атмосферу в России, порой в обществе, действовали провокативно и вызывали общественный резонанс.

После прочтения этих речей становится понятна как атмосфера в обществе во время т.н. исторических событий, так и видны «брожение умов» во время общественных кризисов: это и отмена крепостного права, и знаменитые речи на судебных процессах против narodnikov, реакция на Первую русскую революцию и на поражение России в Первой мировой войне. Знаменитые деятели и ораторы: Столыпин, Керенский, Милюков, Сталин.

Современные политики, читая эти тексты, могли бы многое узнать и многому научиться. Но книга адресована не только им. Узнать о том, как ярко, образно и доходчиво выражать свои мысли, будет полезно политологам, журналистам, специалистам по пиару и всем людям «публичных профессий».

УДК 63.3(2)

ББК 94(47)

ISBN 978-5-00180-547-2

© ООО «Издательство Родина», 2022

ПЕТР ВЕЛИКИЙ

ОБРАЩЕНИЕ ПЕТРА I К СВОИМ ВОЙСКАМ ПЕРЕД ПОЛТАВСКИМ СРАЖЕНИЕМ 27 ИЮНЯ 1709 ГОДА

Воины! Пришел час, который должен решить судьбу Отечества. Вы не должны помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное, за род свой, за Отечество, за православную нашу веру и Церковь. Не должна вас смущать слава непобедимости неприятеля, которой ложь вы доказали не раз своими победами. Имейте в сражении перед собою правду и Бога, защитника вашего, а о Петре ведайте, что ему жизнь не дорога; жила бы только Россия, благочестие, слава и благосостояние ее.

ПРИВЕТСТВИЕ ПЕТРА I К СВОИМ ВОЙСКАМ ПОСЛЕ ПОЛТАВСКОГО СРАЖЕНИЯ

Здравствуйте, сыны Отечества, чада мои возлюбленные! Потом трудов моих создал я вас; без вас государству, как телу без души, жить невозможно. Вы, имея любовь к Богу, к вере православной, к Отечеству, славе и ко мне, не щадили живота своего и на тысячу смертей устремлялись небоязненно. Храбрые дела ваши никогда не будут забвенны у потомства.

СЛОВО ПЕТРА I К ВОИНАМ, ПАВШИМ НА ПОЛЕ ПОЛТАВСКОЙ БИТВЫ

Никто не может более, как сии несли тяготу дневную и ночную за любовь Божию, мать Церковь, целость Отечества и за государя, положили души свои и кровию венчались и подвиги страдальческие явили. Храбрые воины! Вы увенчались стра-

дальческим венцом и предстоите пред престолом Царя небесного. Поборайте же своими молитвами правому оружию моему, поднятому на благо Отечества.

Слово ПЕТРА I во время торжественного спуска корабля «Шлиссельбург» 11 октября 1714 года

Есть ли кто из вас такой, кому бы за двадцать лет пред сим пришло в мысль, что он будет со мною на Балтийском море побеждать неприятелей, на кораблях, построенных нашими руками, и что мы переселимся жить в сии места, приобретенные нашими трудами и храбростию? Думали ль вы в такое время увидеть таких победоносных солдат и матросов, рожденных от российской крови, и град сей, населенный россиянами и многим числом чужестранных мастеровых, торговых и ученых людей, приехавших добровольно для сожития с нами? Что доживем до того, что меня и вас станут так уважать чужестранные государи?..

Писатели поставляют древнее обиталище наук в Греции, но кои, судьбиною времен бывши из оной изгнаны, скрылись в Италии, и потом рассеялись по Европе до самой Польши, но в отечество наше проникнуть воспрепятствованы нерадением наших предков, и мы остались в прежней тьме, в каковой были до них и все немецкие и польские народы. Но великим прилежанием искусных правителей их отворялись им очи и со временем соделались они сами учителями тех самых наук и художеств, какими в древности хвалилась одна только Греция.

Теперь пришла и наша череда, ежели только вы захотите искренне и беспрекословно вспомоществовать намерениям моим, соединя с послушанием труд, памятуя присно латинское приключение: *Ora et labora* — «молись и трудись», и твердо надеяться, что, может быть, еще на нашем веку вы пристыдите другие образованные страны и вознесете на высшую степень славу русского имени.

...Знаю, что меня считают тираном. Иностранцы говорят, что я повелеваю рабами. Это неправда: не знают всех обстоятельств. Я повелеваю подданными, повинующимися моим указам; эти указы содержат в себе пользу, а не вред государству.

Надобно знать, как управлять народом. Английская вольность здесь не у места, как к стене горох. Честный и разумный человек, усмотревший что-либо вредное или придумавший что полезное, может говорить мне прямо без боязни. Вы сами тому свидетели. Полезное я рад слушать и от последнего подданного. Доступ ко мне свободен, лишь бы не отнимали у меня времени бездельем.

Недоброхоты мои и отечеству, конечно, мной недовольны. Невежество и упрямство всегда ополчались на меня с той поры, как задумал я ввести полезные перемены и исправить грубые нравы. Вот кто настоящие тираны, а не я. Я не усугубляю рабства, обуздывая озорство упрямых, смягчая дубовые сердца, не жестокосердствую, переодевая подданных в новое платье, заводя порядок в войске и в гражданстве и приучая к людскости, не тиранствую, когда правосудие осуждает злодея на смерть.

Пускай злость клеветает: совесть моя чиста. Бог мне судья! Неправые толки в свете разносит ветер.

ЕКАТЕРИНА ВЕЛИКАЯ

РЕЧЬ О СТАРООБРЯДЧЕСТВЕ, СКАЗАННАЯ НА ОБЩЕЙ КОНФЕРЕНЦИИ СИНОДА И СЕНАТА

15 сентября 1763 года

Преосвященные архипастыри и гг. сенаторы!

В русской империи, Промыслом нашему управлению вверенной, издавна продолжается раздор и раскол между архипастырями и народом. Я, насколько могла, старалась понять суть раздора и, надеюсь, поняла удовлетворительно. Эта суть знакома их преосвященствам, а вам, гг. сенаторы, мы постараемся ее объяснить. Не сейчас и не вчера, а как только я, по внушению неба, почувствовала себя родною великому русскому народу и его скорби, и его радости, до глубины души огорчилась раздором между архипастырями и народом и положила на своем сердце — истощить все средства ко уврачеванию этой язвы, разъедающей государственный организм. Каждого из архипастырей — и ученых, и духовных — расспрашивала я: из-за чего именно и как явилась и продолжается толико упорная с обеих сторон вражда, расспрашивала каждого и здесь присутствующих архипастырей. От всех их я выслушала следующее: «Русская церковь от недостаточного общения с восточными патриархами в продолжение нескольких веков утратила правильность и чистоту своей обрядности; о падении нашем не сами мы, русские, догадались, а надумали нас греческие и киевские отцы, примерно с 1649 года начавшие наезжать на Москву. Первая из погрешностей, на которую они указывали с наибольшим рвением со многими «зазираниями и осуждениями», было сложение двух перстов для крестного знамения. Знакомясь далее с нашими якобы падениями, греческие и киевские отцы нашли еще несколько обрядовых разностей. Прибавление слова «истинного» к слову «Господа» в символе веры, произношения «Исус» вместо «Иисус», двойное аллилуйя вместо троения, хождение по солнцу вместо хождения против солнца, употребление на проскомидии семи просфор вместо пяти, печатание про-

сфор круглою печатью вместо квадратной, именование в одной из молитвенных пресловий Сыном Божиим, а не Богом».

Гг. сенаторы! Вы сейчас встречаете великую скорбь, якобы к небу вопиющая преступности нашей церкви против восточных патриархов были причиною раскола. Что до нас, то нам припомнилось путешествие Гулливера, попавшегося после крушения его корабля в одну страну, так называемую «лилипуты», в которой существуют люди величиною в 3 или 4 вершка. «Народ этой страны, — рассказывает Гулливер, — уже целые века подвергается страшному истязанию и смертельным казням за то, что он ослушивается определения верховной власти, чтобы разбить яйцо непременно с острого конца; если же кто разобьет с тупого конца, тот беспощадно попадет на кол или костер».

Итак, все эти зазирания и осуждения греческими и киевскими отцами нашей отечественной обрядности, гг.сенаторы, и затем внутренние запреты и проклятия, истязания и казни не похожи ли на лилипутские споры и междоусобия из-за того, с которого конца разбивать яйцо, и не суть ли они внушения суетности, тщеславия и склонности греческих и киевских отцов учить и драть за ухо нашу отечественную церковь, а при этом обирать наших царей и народ, дескать, за науку, за якобы спасительную для нас проповедь, словом — показать нам свое пред нами якобы превосходство и нашу в них якобы необходимость. По моему, господа сенаторы, государю Алексею Михайловичу следовало бы всех этих греческих отцов выгнать из Москвы и навсегда запретить въезд в Россию, чтобы они не имели возможности затевать у нас смуты, а киевских отцов просто рассылать по крепостям и монастырям на смирение. До сих пор, господа сенаторы, все это, признаюсь, сначала возбуждало во мне веселость. Но никак не допуская, чтобы человечество, нет — не только человечество, а христианство, и сие в высших нарочитых его носителях и представителях, могло позволить себе унизиться до таких безрассудных размеров, мы потребовали подлинные деяния собора 1667 года, и нам показали его соборный акт от 13 мая, коим, как нам объяснили, этот собор увенчал все прежние с 1649 года начавшиеся зазирания, осуждения, запреты и проклятия поименованных обрядностей. Прочитывая этот злополучный акт, мы натолкнулись на новую характерность, про которую отцы нам не говорили. Вы уже знаете, что отцы с проклятиями, запретами произносят Сыне Божий

на так называемой молитве ко Иисусу. Надеюсь, вы поняли бессмысленность и преступность клятвы. Но это не все, а вот что мы еще вычитали в этом акте. Отцы с проклятиями запретили говорить «Сыне Божий» только на соборе, т.е. на церковных, общественных священнослужениях, а во всех остальных случаях предоставили свободе каждого говорить: и «Боже наш», и «Сыне Божий». Стало быть, во всех этих остальных случаях и «Сыне Божий» здесь в этой молитве находили Богу угодным и спасительным. Что же это такое? Признаюсь, господа, этот момент и этот акт, и этот май, и это 13 число, и эти отцы в представлении моем приняли образ чудовища, зверя, адом, изрыгнутым на посрамление веры христианской, на посрамление человечества!

Затем, гг.сенаторы, допрашивали мы преосвященных архипастырей. Во всех осужденных 13 мая обрядовых действиях и чтениях есть ли какая противность или вере христианской, или канонам церкви, или интересам государства? От всех мы получили полное отрицание. Зачем же, допрашивала я отцов, зачем вы за эти клятвенные запреты стоите так упорно и азартно, что, например, 15 мая 1722 года определили лишить церкви и таинств каждого из православных за то только, что он крестится двумя перстами? Вот, отвечают, что это делают они по должному послушанию великому и святому собору 1667 года, положившему клятвенные запрещения на двуперстие и крестящихся двуперстно с таким подтверждением, что скорее весь чин природы разрушится, а клятвы эти пребудут неразрешены во веки веков, аминь!

Да, да, господа, я уже сказала, что читала этот злополучный акт и подтверждаю, что ссылка на него отцов безупречна. Но что же в этом, ежели и клятвы несправедливы и запреты безрассудны? Неправедная клятва не обращается ли на самих проклинателей? Все эти клятвенные запреты ничтожнее для нас комара: этот, по крайней мере, ужалить может, а безрассудные клятвы? Что это, как не перебранка между собой базарных торговцев, что это, как не лай собак на толпу проходящих! Да, гг.сенаторы, да, преосвященные отцы! Ежели есть в Церкви Божией праведная клятва, то по истине стоит ее акт 13 мая и составители его... Да, да, преосвященные отцы, в этом вашем акте мы вот еще что вычитали во удостоверение праведности и непреложности своих закланий, именно: «аще же кто и умрет во упрям-